DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2015.4.6>

УДК 303.1
ББК 60.52

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Надежда Юрьевна Кравченко

Кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры прикладной социологии,
Саратовский государственный научно-исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского
kravchenko.n@gmail.com
ул. Б. Казачья, 120, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье автор ставит проблему важности развития гражданского потенциала для всех социальных слоев общества. Гражданский потенциал реализуется в публичной сфере, так как именно там происходит процесс гражданской социализации: представители власти осваивают ценности приватного, а граждане осваивают ценности власти. Автор обращает внимание на то, что современные стратификационные модели не учитывают ресурса доступа в публичное пространство. У каждой страты есть свои каналы вхождения в публичное пространство, конфигурации, которые имеют как блокираторы, так и ускорители, определяющие квотирование попадания в публичное пространство для определенных страт общества. Гражданское состояние предполагает пределы в культурном, экономическом, политическом различиях между стратами. Автор ставит вопрос: какие страты имеют доступ к публичному пространству, какие нет? Исследование этого вопроса даст возможность по-новому взглянуть на перспективы развития гражданского общества в нашей стране.

Ключевые слова: гражданский потенциал, гражданское состояние, публичное пространство, гражданская идентичность, стратификация.

© Кравченко Н.Ю., 2015

Для успешного национального строительства и консолидации граждан Российской Федерации важны равные права в плане реализации гражданского потенциала. На территории Российского государства проживает бо-

лее 180 народов, их объединяет историческая судьба, культурное пространство, язык, особенности ментального уклада и т. д. Несмотря на различия в национальности, отношении к вере, месте проживания каждый гражданин

страны должен иметь право реализовать свои возможности.

Гражданский потенциал может быть реализован при наличии гражданского состояния. Философскую проблематику гражданского состояния мыслители начали разрабатывать с XVII в.: Г. Гроций, С. Пуфендорф, Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо. Изначально так понималась жизнь человека в обществе в отличие от жизни вне общества, в естественном состоянии, затем гражданское состояние стали определять как воплощение принципов равноправия и демократии. По Т. Гоббсу, при достижении гражданского состояния прекращается война всех против всех; по мысли Дж. Локка, гражданское состояние способно не допустить эту войну, должно распространяться на всех, без исключения, граждан (все страты или слои общества), при этом всякая власть и всякое право являются взаимными, никто не имеет больше другого [7]. Гражданское состояние достигается при взаимодействии граждан в различных сферах общества: публичной, политической и приватной.

Окончательно сферы общества сформировались в эпоху модерна и на тот момент имели определенные границы и функции.

Приватная сфера – это сфера жизненных интересов, эмоций, привязанностей частного лица, обособленная от других сфер. Здесь гражданин автономен, но не изолирован. Он устанавливает отношения с другими людьми (родственные, дружеские, приятельские) в соответствии с личностными интересами. Это сфера, в которой осуществляются практики всех страт общества. В приватной сфере взаимодействуют представители всех страт: от представителей высших слоев до деклассированных элементов.

Публичная и приватная сферы представляют собой важнейшие регуляторы институциональных, межгрупповых, межличностных и т. п. отношений, так необходимых в демократическом и правовом государстве [17].

Политическую сферу можно определить как область общественной жизни, в которой осуществляется управление развитием общества. В этой сфере имеет место регулирование отношений между классами, нациями и другими социальными группами по вопросу государственной власти и с помощью госу-

дарства. Это сфера функционирования политической и экономической элиты.

Гражданский потенциал способен реализоваться, в основном, в публичной сфере. Публичное пространство – место социализации личности. Ф. Гиддингс под социализацией понимал «подготовку человеческого материала к социальной жизни». П. Бурдьё писал: «Способность осуществить в явном виде, опубликовать, сделать публичным, так сказать, объективированным, видимым, должным, то есть официальным, то, что должно было иметь доступ к объективному или коллективному существованию, но оставалось в состоянии индивидуального или, серийного опыта, затруднения, раздражения, ожидания, беспокойства, представляет собой чудовищную социальную власть – власть образовывать группы, формируя *здравый смысл*, явно выраженный консенсус для любой группы» [4, с. 21]. В публичном пространстве, по мысли П. Бурдьё, вырабатываются категории, беспрерывно идет процесс наименования явлений, индивиды – носители различных идентичностей приходят к общему знаменателю.

Х. Арндт анализирует основные принципы феномена публичности в работе «*Vitaactivia*» [2]. Взаимодействие людей в публичной сфере «это активное вступление в - явление», люди показывают себя не просто разными, а отличными друг от друга, выделяя свое индивидуальное Я от коллективного [2, с. 229].

Под публичным пространством в данной статье мы, вслед за Ю. Хабермасом, Х. Арндт, Р. Сеннетом и другими, понимаем сферу не просто действия, а гражданского взаимодействия, «ту область нашей жизни, в которой может быть сформировано общественное мнение» [12, с. 337]. Цель взаимодействия в публичной сфере – обсуждение общественно значимых вопросов, ведущее к формированию информированного общественного мнения. Театрализованные действия, концерты, устраиваемые властями города на центральных площадях, не приводят к актуализации публичного пространства. Пассивное потребление массовых зрелищ не есть гражданское взаимодействие.

С развитием публичной сферы связан ряд институтов – государство, средства мас-

совой информации, обеспечению публичного пространства способствуют парки, кафе и другие общественные места, а также культура, благоприятствующая публичной жизни [1]. Г. Зиммель полагал, что публичные пространства должны быть «живыми», заполненными людьми, что позволит им развиваться.

В статье «Теории социального пространства» исследователь О.С. Чернявская предлагает обзор представлений о социальном пространстве различных авторов. Анализируемые теории можно подразделить на два больших класса: первый подход связан с пониманием социального пространства как особого места, второй – с пониманием его как места взаимодействия [16].

Э. Дюркгейм в работах по проблемам функционирования религии фиксирует, что социальное пространство – это и место, и не совсем место, где функционируют социальные акторы (индивидуальные и коллективные). Для М. Вебера пространство выступает в качестве локализации социальных групп или места реализации конкретных социальных практик. Для Г. Зиммеля это место «оживотворения» пространства, взаимодействия. П. Сорокин рассматривает социальное пространство как порядок социальных позиций. Для автора драматургического подхода И. Гофмана важно структурирование пространства социальных практик с выделением авансцены и закулисной зоны взаимодействия, где специфика взаимодействия обусловлена местом. Э. Гидденс подвергает анализу пространство-время для описания «освоения» пространства ночных городов благодаря широкой электрификации. Для П. Бурдьё социальное пространство – это также взаимодействие.

П.А. Сорокин рассматривает социальное пространство через призму теории социальной стратификации и социальной мобильности. Определив положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве, мы определим его отношение к другим людям и другим социальным явлениям. Но важнее даже другое определение в контексте идеи социального пространства: «Социальное положение – совокупность связей его [индивида] со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами» [13, с. 298–299]. Здесь пространство понимается

как порядок социальных позиций, оно имеет свое графическое изображение.

П. Бурдьё видит социальное пространство как рационально сконструированную диаграмму, в которой актуализируются различные виды капиталов, например символический.

В этой логике гражданское общество можно пространственно представить как систему позиций акторов. С другой стороны, гражданское общество может рассматриваться как пространство позиций. Публичное пространство может рассматриваться как позиция определенных субъектов – страт, классов.

Можно рассматривать процесс взаимодействия представителей различных страт в публичном пространстве как процесс конструирования социальной реальности в гражданской сфере. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, цикл социального конструирования реальности завершается стадией легитимации, сконструированные реалии получают обоснование на уровне «символического универсума» как «матрицы всех социально объективированных и субъективно реальных значений» [3, с. 158].

Для того, чтобы выработались общепризнанные в обществе принципы, необходимо осуществление процесса гражданской социализации. Успешность этого процесса обусловлена освоением властью, элитой ценностей гражданской, приватной сферы, а индивидами – политических ценностей.

Если мы рассматриваем публичное пространство как место, ведь НКО – часть гражданского общества и представляют собой структуру, расположенную в пространстве, то индивиды должны иметь равный доступ к месту гражданского взаимодействия и в нем могут принимать участие различные субъекты. При невозможности подобного взаимодействия мы столкнемся с проблемой объективации, произойдет переоценка, так как граждане не будут воспринимать НКО как место, в котором можно реализовать гражданский потенциал.

В ситуации, когда мы рассмотрим гражданское общество не как место, а как коммуникативную форму, будет иметь значение ориентированность коммуникаций. Если гражданское общество – это пространство коммуникаций, тогда должен возникать и общий, объе-

диняющий смысл. Те, кто не разделяет общий смысл, остаются за скобками или формируют оппозицию. В это коммуникационное пространство будут входить субъекты, владеющие коммуникацией, обладающие потенциалом и ресурсами. Каналы могут быть стихийные или контролируемые. На контролируемые каналы входа в коммуникативные пространства оказывают влияние властные структуры, блокируя или способствуя вхождению индивидов в пространства. При сужении публичной сферы мы наблюдаем уменьшение коммуникаций.

В российской ситуации пока не выработано единое пространство смысла, а места для гражданского взаимодействия создаются. Например, Общественная палата представляет собой институт гражданского общества, но институт специфический, так как обратная связь с населением в пространстве практически отсутствует.

Для полноценного формирования общественного мнения необходим определенный градус гражданской пассионарности, подкрепляемый свободой слова, осознанием необходимости поиска единого знаменателя в проблемах такого многонационального, неоднородного общества, как российское.

В этой связи существует риск столкнуться с опасными для стабильного развития общества явлениями. Это может быть состояние, определенное Э. Дюркгеймом как аномия. По крайней мере, можно фиксировать благоприятные условия для появления аномии: потребности определенных страт в реализации гражданского потенциала не могут реализоваться. Либо революционная ситуация, описанная К. Марксом, понимаемая в данной связи как неспособность власти предоставить гражданам площадки для реализации гражданского потенциала, в которых они нуждаются.

В данной статье публичное пространство понимается нами как катализатор формирования гражданской идентичности. Гражданин получает возможность услышать созвучное своему мнению, увидеть «своих» и «чужих», вырабатывать из различных точек зрения свою гражданскую позицию. В публичной сфере может складываться установка на гражданские практики, влияющая на процесс

формирования гражданской идентичности у представителей различных страт.

Существуют различные подходы к дифференциации общества. Основы современной теории социальной стратификации были заложены В. Парето, М. Вебером и П.А. Сорокиным. Оригинальные стратификационные модели были предложены зарубежными учеными Б. Барбером, П.М. Блау, Э. Гидденсом, У.Л. Уорнером, Р. Дарендорфом и др.

В последнее десятилетие XX в. в России возникают новые социальные группы – от олигархов до бомжей, что сделало неактуальным классовый подход К. Маркса, на котором основывалось социальное деление общества в СССР. Отечественные социологи предложили ряд стратификационных моделей. Можно выделить модель, предложенную Т.И. Заславской, деление на социальные страты: политическая и экономическая элита (высший слой), верхний слой, средний слой, базовый слой, нижний слой, «социальное дно» [6, с. 286]. В.В. Радаев выделяет пять стратификационных слоев [11, с. 130], Н.М. Рима-шевская выделяет социально-классовые группы. В результате работы исследовательского коллектива под руководством М.К. Горшкова была создана модель, в которой присутствует 10 социальных слоев [5]. Исследователи находят различные критерии классификации, выделяют слои, группы, страты, предлагают различное количество делений общества, но для нашего исследования важно отметить, что ни один стратификационный подход не предлагает учитывать наличие доступа в публичное пространство.

Для дальнейших рассуждений мы будем оперировать данной моделью, на наш взгляд, она более близка к стратификационной. Первые два слоя составляют находящиеся за чертой бедности по реальному уровню жизни 21 % экономически активного населения, третий слой – 17 % балансирующих на грани бедности, четвертый слой – 24 % малообеспеченных. В сумме эти четыре страты охватывают 62 % населения России. К слоям 5-8 отнесены 33 % представители «среднего класса», к 9-10 – 5 % богатых. Все слои авторы объединили в четыре страты: бедные (1-2), малообеспеченные (3-4), средние (5-8) и верхние (9-10) [5, с. 584].

В настоящее время выход в публичное пространство есть у верхних слоев, чиновников, из малообеспеченных и бедных есть возможность реализовать свой гражданский потенциал у «профессиональных граждан» – журналистов, общественников и т. п. Основная часть населения страны подобного доступа не имеет. В арсенале социологической науки накоплено достаточное количество теоретических рамок, которые могут стать подспорьем в объяснение деполитизированности населения и нежелания реализовывать свою гражданственность в публичном пространстве. Революционная ситуация, описанная в работах К. Маркса, выступает в качестве механизма выхода из социо-экономического кризиса. В этой ситуации публичному пространству нет места, между антагонистическими классами проходит линия фронта. Р. Мертон обращает внимание на несовпадение целей и средств. Такое явление, как эскапизм проявляется в сознательном уходе из публичного пространства. Носители авторитарного типа личности, предложенного Т. Адорно, стремятся избегать публичности. Ж. Бодрийяр гражданскую пассивность объясняет угасанием социального. Российские исследователи ставят проблему политической исключенности [15, с. 67].

Итак, власть может стать граждански ориентированной только в публичной сфере. К сожалению, чиновники, имея доступ к публичному пространству, не стремятся к гражданским практикам. М.К. Горшков выделяет в качестве проблемы оторванность чиновников от общества, которые превращаются в закрытую касту. Ученый высказывает опасение, что «если ничего не менять и дальше, страна расколется на два лагеря. Чиновник продолжает решать свои проблемы, а народу будет все безразлично» [14].

При рассмотрении деления общества на группы в исторической ретроспективе, мы увидим, что этот критерий всегда был одним из ключевых в общественно-политическом устройстве государств. Оставив за скобками восточные деспотии, где публичное пространство было сакрализовано и у всех слоев, включая элиту, доступ к нему был закрыт, скажем, что в разные эпохи различные сословия имели доступ к публичному пространству.

В эпоху греческой демократии – граждане полиса, за исключением рабов, женщин и домашних слуг. В греческом полисе агора была местом споров, где свободные граждане имели возможность актуализировать свою гражданственность, проявляя индивидуальность.

Ю. Хабермас называет публичным пространством любое пространство, где могут состояться публичные дебаты (пространства газет, других СМИ, чайные дома и кафе в европейских городах XVIII и XIX вв.). Доступ в эти публичные места был открыт в основном одному слою или классу – свободным буржуа. Р. Сеннет относит к публичным пространствам площади, парки и улицы. Сходы в Новгородской республике проходили на вечевой площади Новгорода. Первоначально это пространство принадлежало свободным гражданам, изначально в вечевых сходах Новгородской республики принимали участие главы всех свободных городских семей и его можно было считать публичным. «Вечные грамоты» составлялись от имени всего города, учитывалось мнение всенародных собраний концов, улиц и «пригородов» [8]. Есть новые данные «о “брани” на вече между боярами и “чернью”, причем представители “черни” выступали на вече, и их речи зафиксированы» [9]. В дальнейшем вечевое собрание все в большей степени контролировалось боярской аристократией и площадь скорее трансформировалась из публичного пространства в трибуну аристократии. Очевидно, что возможность вступать в публичное пространство была не у всех страт или слоев.

Современное российское публичное пространство имеет свою специфику. В первую очередь это специфика формирования. Если публичное пространство формируется сверху, это квазипубличное пространство. Публичное пространство должно быть результатом консенсуса общества и власти, частного и политического. Х. Арентс видит ключевую характеристику любого общества через баланс между публичностью и приватностью. В случае, когда этот баланс нарушается, нормальное состояние общества переходит в состояние дисгармонии.

О. Паченков ставит методологическую проблему необходимости адекватных современному состоянию критериев для идентифи-

кации «настоящих» публичных пространств. В настоящее время мы сталкиваемся с ситуацией, при которой, возможно, может быть пространственная конфигурация публичных пространств видоизменилась и исследователи ищут проявления публичной жизни и городские публичные пространства «не там» – и потому приходят к выводу, что их нет.

Складывается ощущение, что традиционные публичные пространства «схлопываются». Однако О. Паченков, упоминая А. Токвиля, приходит к выводу, что исчезают даже не публичные пространства, а граждане. В современном обществе вместо Гражданина появляется индивид, или еще худший вариант – потребитель. В результате исчезает потребность в «общественном интересе», который является движущей силой происходящего в публичной сфере [10].

В результате, часто реализуются конкретные частные или групповые интересы индивидов, совпадающие с интересами других индивидов и групп. Но «общие интересы», не то же самое, что «общественные» и в городах «общие пространства» заменяют «общественные».

На наш взгляд, публичные пространства имеют доступ из страт, обладающих соответствующими ресурсами: экономическими, социальным капиталом, на основании профессиональной принадлежности. Из этого следует, что публичное пространство в России имеет достаточно интересную конфигурацию. Какие страты представлены в публичном пространстве на сегодня? Высшая элита, журналисты, политически активная молодежь. Попастъ в публичное пространство можно по определенным каналам, то есть публичное пространство сегодня не является стихийно формирующимся, а конструируемым, определенными силами и попать туда можно только по рекомендациям представителей определенных страт, то есть доступ для других страт ограничен. На публичное пространство оказывают влияние определенные факторы стратификационного порядка. Заинтересованность власти в определенной конфигурации публичного пространства налицо, она участвует в его конфигурации, определяя не только рамки, но и страты, из которых происходит наполнение пространства людьми.

Власть узурпирует традиционное публичное пространство, и граждане выходят реализовывать гражданственность в новых публичных пространствах. В результате происходит выход из приватного в виртуальное публичное, но он пока ограничен. Это создает блокираторы для формирования гражданского общества. В приватной сфере гражданское общество формироваться не может, оно презентуется только в публичной сфере, а гражданское состояние есть разделенность сфер. Мы сталкиваемся с вопросом: где проходит водораздел между возможным/невозможным освоением властью ценностей частных, а гражданами ценностей политических? И возможен ли он в сложном обществе, находящемся на территории Российской Федерации? На него еще предстоит ответить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аберкромби, Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. – М. : Экономика, 2004. – 620 с.
2. Арент, Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Х. Арент. – СПб. : Алетей, 2000. – 437 с.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
4. Бурдые, П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдые // Вопросы социологии. 1992. – Т. 1. – С. 17–36.
5. Горшков, М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков. – М. : Новый хронограф, 2011. – 670 с.
6. Заславская, Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2004. – 400 с.
7. Локк, Дж. О государственном правлении / Дж. Локк // Избр. Филос. Произведения: в 2 т. – 1960. – Т. 2. – С. 249.
8. Лукин, П. В. Новгородское вече: старые концепции и новые данные / П. В. Лукин // Исторический вестник. – 2012. – Т. 148, № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/doc/historical-journal/article/?JOURNAL=&ID=456813> (Дата обращения: 12.06.2015). – Загл. с экрана.
9. Лукин, П. В. Вече: социальный состав / П. В. Лукин // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. – 2008. – С. 81–108.
10. Паченков, О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» / О. Паченков. – 2012. – № 117. – Электрон. текстовые дан. –

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33-pr.html> (Дата обращения: 16.07.2015). – Загл. с экрана.

11. Радаев, В. В. Властная стратификация в системе советского типа / В. В. Радаев // Рубеж. – 1991. – №. 1. – С. 117–147.

12. Сеннет, Р. Падение публичного человека / Р. Сеннет. – М.: Логос, 2002. – 337 с.

13. Сорокин, П. А. Социальная стратификация и мобильность / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – 1992. – С. 295–302.

14. Тимофеева, И. Кастинг неприкасаемых. Коллективный портрет российских управленцев: взгляд извне и изнутри / И. Тимофеева // Независимая газета. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: 2005.novayagazeta.ru/number/2005/86n/n86n-s24.shtml. – Загл. с экрана.

15. Фан, И. Б. Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения / И. Б. Фан // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2013. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 67–82.

16. Чернявская, О. С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций / О. С. Чернявская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 5. – С. 329–335.

17. Шкудунова, Ю. В. Соотношение публичной и приватной сфер жизнедеятельности: социально-философский аспект / Ю. В. Шкудунова. – 2006. – 170 с.

REFERENCES

1. Aberkrombi N., Hill S., Turner B.S. *Sociologicheskij slovar* [Sociological Dictionary]. Moscow, EHkonomika Publ., 2004. 620 p.

2. Arendt H. *Vita Activa, ili O deyatelnoi zhizni* [Vita Activa]. SPb, Aletejya Publ., 2000. 437 p.

3. Berger P., T. Lukman. *Socialnoe konstruirovaniye realnosti* [Social Construction of Reality]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.

4. Burde P. Socialnoe prostranstvo i genezis «klassov» [Social Space and Genesis of “Classes”] *Voprosy sociologii*. Vol. 1. Moscow, Adapt Publ., 1992. pp. 17–36.

5. Gorshkov M. K. *Rossiyskoe obshchestvo kak ono est: (opyt sociologicheskoy diagnostiki)* [Russian Society as it is: Attempt of Social Diagnosis] Moscow, Novyj khronograf Publ., 2011. 670 p.

6. Zaslavskaya T.I. *Sovremennoye rossiyskoye obshchestvo: Socialnyy mekhanizm transformatsii* [Modern Russian Society: Social Mechanism of Transformation] Moscow, Delo Publ., 2004. pp. 286, 400 p.

7. Lokk Dzh. *O gosudarstvennom pravlenii* [About Government] Moscow, Sotsegiz Publ., 1960. 249 pp. 7–532.

8. Lukin P.V., Gorskiy A.A., Kuchkin V.A., Lukin P.V., Stefanovich P.S. *Veche: socialnyy sostav* [Veche: Social Structure] *Drevnyaya Rus. Ocherki politicheskogo i social'nogo stroya* [Political and Social Formation Sketches]. Moscow, Indrik Publ., 2008. pp. 81–108.

9. Lukin P. V. *Novgorodskoye veche: starye koncepcii i novye dannye* [Veche of Novgorod: Old Concepts, New Datas] *Istoricheskij Vestnik*, 2012 no. 1 Vol. 148. Available at: <http://www.runivers.ru/doc/historical-journal/article/?JOURNAL=&ID=456813> (accessed 12 July 2015).

10. Pachenkov O. *Publichnoye prostranstvo goroda pered licom vyzovov sovremennosti: mobilnost i “zloupotrebleniye publichnostyu”* [City vPublic Space faces Modern Challengers: Mobility and “Abuse of Publicity”] *NLO*, 2012, no 117. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33-pr.html> (accessed 12 July 2015).

11. Radaev V.V. *Vlastnaya stratifikatsiya v sisteme sovetskogo tipa* [Imperious Stratification in the Soviet Type System] *Rubezh*, 1991. no. 1. pp. 117–147.

12. Senet R. *Padeniye publichnogo cheloveka*. [The Fall of Public Man] Moscow, Logos, 2002. 337 p.

13. Sorokin P. A. *Socialnaya stratifikatsiya i mobilnost* [Social Stratification and Mobility] *Chelovek. Civilizatsiya. Obshchestvo*. Moscow, Politizdat Publ., 1992, pp. 295–302.

14. Timofeeva I. *Kasting neprikasaemyh. Kollektivnyy portret rossijskikh upravlenцев: vzglyad izvne i iznutri*. [Casting of Untouchables: Collective Portrait of Russian Officials: Look from Within] // *Nezavisimaya gazeta*, 17. 11. 2005. Available at: <http://2005.novayagazeta.ru/number/2005/86n/n86n-s24.shtml> (accessed 12 July 2015)

15. Fan I. B. *Politicheskoye uchastie v Rossii: isklyucheniye “pod prikrytiem” vkluycheniya* [Imperious Stratification in System Soviet Participation in Russia: an Exception “Under Cover” Inclusions] *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava*. Ekaterinburg, 2013. Vol. 13. Iss. 1. pp. 67–82.

16. Chernyavskaya O. S. *Socialnoye prostranstvo: obzor teoreticheskikh interpretatsiy*. [Social Space: Review of Theoretical Interpretations.] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. Nizhnij Novgorod, 2008. no. 5. pp. 329–335.

17. Shkudunova YU. V. *Sootnosheniye publichnoy i privatnoy sfer zhiznedeyatel'nosti: socialno-filosofskiy aspekt*. [Ratio of Public and Private Spheres of Activity: Social and Philosophical Aspect] *Dissertatsiya. na soisk. uch. st. kand. filosof. nauk*. Moscow, 2006. 170 p.

MECHANISM OF CIVIL IDENTITY FORMATION: SOME THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS

Nadezhda Yuryevna Kravchenko

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Candidate for a Doctor's Degree,
Department of Applied Sociology,
National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
kravchenko.n@gmail.com
B. Kazachya St., 120, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. The author analyzes different scientific approaches to the role of different spheres: private, political and public. Civil potential is realized in the public sphere, where a process of civil socialization takes place. The authorities master private values, and citizens master values of the power. During the last two centuries the public sphere greatly changed, it continued moving from former public places (such as cafes, squares etc.) to Internet blogs.

The author puts a problem of importance of development of civil potential in a sociological key for all social groups of society. This is extremely important issue for the development of civil society in nowadays Russia. The author pays attention to the fact that modern stratification models do not consider a resource of access to public space. Every stratum has channels of entry into public space, configurations which have both locks, and the accelerators defining quoting of hit in public space for definite social strata. The civil status assumes limits in cultural, economic, political distinctions between strata. The author raises a question: what strata have access to public space and what have not? Research of this question will give the chance to look at the prospects of civil society development in our country in a new way.

Key words: civil potential, civil status, public space, civil identity, stratification.